

ЧАШЕЧКА КОФЕ,
или *Я твой десерт*
ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева

Чашечка кофе, или Я твой десерт

<https://litres.ru/74211349>

Аннотация

Три года она работала на него, ни разу не увидев вживую. Он знал о ней всё. Когда она приехала к нему домой с документами, которые могла найти только она, он уже решил, что она останется. Навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

Будильник зазвенел в семь тридцать, и я с чистой совестью нажала на кнопку «отбой», планируя провалиться в сон ещё на час. Отпуск — святое. Отпуск, который я ждала восемь месяцев, тринадцать дней и, если быть совсем честной, около шести часов. Я должна была лежать в этом постели до тех пор, пока тело само не решит, что достаточно отдыхало. А потом — неспешный завтрак с кофе на террасе, дорожная сумка, брошенная в багажник, и четыре часа езды до базы в предгорьях, где меня ждали трекинговые маршруты, запах хвои и тишина.

Настоящая тишина. Без вечно звенящего корпоративного мессенджера, без стука каблучков Леночки, которые она почему-то не снимает даже когда сидит на месте, без голоса Максима Владимировича, который умел звучать в голове даже когда его не было рядом.

Я перевернулась на другой бок, уткнулась носом в прохладную подушку и представила, как через пару часов выезжаю из города. Горные тропы, сухой воздух, палатка, которую я сама себе поставила, — ритуал, к которому я готовилась два года. В прошлый отпуск что-то пошло не так — то проект горел, то немецкие партнёры прислали документы с ошибками, которые только я могла исправить за выходные. В этот раз я подготовилась основательно. Всё сдано. Всё за-

крыто. Все, кому положено, предупреждены, что Ника Ли-
сицына две недели будет недоступна.

Телефон завибрировал на тумбочке.

Я не открыла глаза. Вибрация — это всего лишь уведом-
ление. Погода, новости, рассылка из любимого книжного.
Ничего, что нельзя было бы проигнорировать ещё полчаса.

Телефон завибрировал снова. И тут же — третий раз, уже
настойчивее, как будто кто-то не собирался ждать.

В груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Я протя-
нула руку, нащупала холодный корпус, поднесла к глазам.

Семь утра? Да ну, бред.

Экран горел списком сообщений в рабочем чате. Пять
штук. Потом ещё три. Потом пропущенный вызов — от Ле-
ночки, секретарши приёмной. Следом — голосовое сообще-
ние от неё же.

Я не стала его слушать. Я просто смотрела на экран, и
внутри медленно, как ртуть в разбитом градуснике, распол-
залось чувство, которое я ненавидела больше всего на свете.

Чувство, что мой отпуск только что закончился, даже не
начавшись.

Голосовое сообщение я всё-таки прослушала, потому что
надеялась на чудо. Может, Леночка ошиблась номером. Мо-
жет, её сообщение предназначалось кому-то другому.

— Ник, привет! Извини, что отвлекаю, но тут такое дело... Максим Владимирович с утра звонил, говорит, срочно нужен договор по «Иннотеху», а я никак не могу его найти. Ты не помнишь, куда его положила? А то он уже два раза звонил, очень недоволен. Ты не могла бы заехать? Скину адрес.

Скину адрес.

Она скинула адрес.

Я сидела на кровати, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев, и перечитывала сообщение с адресом офиса. Как будто я не знала, где находится офис. Как будто я не ходила туда пять дней в неделю последние три года.

«Очень недоволен».

Она хотя бы понимает, что говорит? Она хоть раз задумывалась, что значит «очень недоволен» в исполнении Максима Владимировича Туманова для человека, у которого ипотека и больная мать в другом городе?

Впрочем, чего я хочу от Леночки. Девушка, чья главная профессиональная компетенция — выбирать помаду, подходящую к цвету наращенных ногтей, вряд ли вообще осознаёт слово «ипотека». Для неё жизнь — это утренний кофе с коллегами, обсуждение новых сумок и лёгкое удивление, когда кто-то вдруг начинает работать.

Я открыла чат с Леночкой и посмотрела на время её первого сообщения.

6:42.

Шесть сорок две, мать вашу. В мой законный, заслуженный, утверждённый и подписанный всеми возможными видами отпуск.

Я попыталась взять себя в руки. Может, я преувеличиваю. Может, действительно что-то срочное. Может, договор по «Иннотеху» — это тот самый контракт, который мы три месяца готовили с немецкой стороной. Если он потеряется...

Но тут же в голове включился рациональный механизм, который не давал мне врать самой себе. Я помнила этот договор. Я сама его подшивала. В папку, на которой маркером написала название проекта и поставила дату. Папка стояла в шкафу слева, на второй полке, между отчётами за прошлый квартал и регламентами по работе с персональными данными.

Туда, куда Леночка, судя по всему, даже не заглянула.

Я сделала глубокий вдох. И ещё один.

Всё внутри кипело. Я представила, как сейчас наберу ей голосовое и выскажу всё, что думаю о её «никак не могу найти». Но голосовые сообщения имеют свойство сохраняться. А Максим Владимирович Туманов — человек, который, по слухам, знал о своих сотрудниках больше, чем их собственные матери.

Я сдержалась.

Написала коротко: «Еду».

Телефон упал на кровать. Я сидела, глядя в стену, и чувствовала, как из меня вытекает всё то спокойствие, которое

я копила последнюю неделю. Выходные, которые я посвятила тому, чтобы разобрать дела, закрыть все хвосты, оставить чёткие инструкции. Я даже написала Леночке памятку — где что лежит, куда смотреть, кого спрашивать в экстренных случаях.

Думала, она хотя бы прочитает.

Наивная.

В душе я стояла под горячей водой дольше обычного, надеясь, что пар смывает раздражение. Не смыл. Потом пила кофе, глядя на собранный у двери рюкзак с трекинговыми ботинками, и чувствовала, как внутри закипает злость, которую уже не скрыть за вежливой улыбкой.

Горы. Я должна была быть в горах.

Я запланировала этот маршрут ещё в феврале. Купила новое снаряжение, нашла гида, который согласился провести меня по сложному маршруту на Тырнауз, договорилась с базой. Я представила, как иду по хребту, где ветер сдувает всю городскую пыль, где не нужно никому ничего доказывать, где единственный начальник — это мои собственные ноги и погода.

Вместо этого я натягивала строгие брюки и белую блузку, которую терпеть не могла, потому что она требовала постоянного внимания.

Максим Владимирович Туманов.

Я произнесла это имя про себя и почувствовала, как желчь подступает к горлу.

Я никогда не видела его вживую. Только на фотографиях в деловых журналах и раз в полгода — на общих собраниях, где он сидел в дальнем конце стола, а мы, простые смертные, наблюдали за ним с безопасного расстояния в несколько метров. Но его присутствие чувствовалось всегда. В чётких инструкциях, спускаемых сверху. В жёстких сроках, которые нельзя было нарушить. В той атмосфере лёгкого, перманентного страха, который витал в коридорах «Туманов Групп».

Три года я работала в этой компании. Три года я видела, как люди увольнялись, не выдержав давления. Как целые отделы перетряхивали, как кого-то повышали, а кто-то исчезал в неизвестном направлении после одного неверного шага. И каждый раз за всем этим стоял он.

Человек, которого никто не называл по имени. Только «Максим Владимирович». Или, в кулуарах, — «Туманов». С ударением на последнем слогe, как будто само имя было приговором.

Я не знала, каков он в жизни. Но я точно знала: его слово — закон. Его недовольство — катастрофа. И если он сказал «найти договор», значит, договор должен быть найден, даже если для этого придётся поднять из могилы того, кто его подписывал.

Я посмотрела на себя в зеркало. Собранные в низкий пу-

чок волосы, никакой косметики, кроме стрелок и помады — мой стандартный рабочий набор. Лицо выглядело спокойным, только глаза выдавали.

Я злилась.

Не на Леночку — на неё глупо злиться, это как злиться на дождь за то, что он мокрый. Я злилась на ситуацию. На то, что мой отпуск, который я так тщательно планировала, рассыпался по вине чьей-то лени. На то, что я, взрослый человек с высшим образованием и многолетним стажем, не могла сказать «нет», потому что за спиной у меня висела ипотека, которую я выплачивала одна, и мать, которая в любой момент могла позвонить и сказать, что ей снова плохо.

Я могла бы, конечно, отказаться. Сказать: «Извините, я в отпуске, разбирайтесь сами». Но я слишком хорошо знала, что значит «разбирайтесь сами» в компании, где работает Леночка.

Это значит, что договор не найдут никогда. Что через три дня, когда немецкие партнёры позвонят и спросят, почему документы не отправлены, стрелки переведут на меня. Что Максим Владимирович Туманов, который никогда не вникает в детали, просто увидит: ответственная за документ — Лисицына. Лисицына в отпуске. Лисицына не удосужилась передать дела.

И тогда никакие объяснения не помогут.

Я взяла ключи, бросила последний взгляд на рюкзак у двери и вышла из квартиры.

В машине я включила музыку погромче, надеясь, что тяжёлый гитарный рифф перекроет внутренний монолог. Не перекрыл.

Дорога до офиса заняла сорок минут — по утреннему городу всегда было так себе, а в час пик превращалось в ад. Я ехала и думала о том, почему в этой компании всё устроено так, что работающие люди не могут отдохнуть, а те, кто только создаёт видимость работы, процветают.

Леночка. Красивая, ухоженная, с идеальным маникюром и полным отсутствием мозгов. Как она вообще попала в приёмную? По знакомству? По блату? Или Максим Владимирович просто решил, что секретарша должна радовать глаз, а не уметь работать с документами? Я видела таких девушек в каждой второй компании: они занимают места, на которых могли бы быть профессионалы, но вместо этого они точат ногти, пьют кофе и делают вид, что их присутствие — это уже работа.

А те, кто реально работает, вынуждены разгребать за ними.

Как сегодня.

Я сжала руль так, что кожаные перчатки скрипнули. Сделала глубокий вдох.

Вдох-выдох.

Я въеду в офис, найду этот чёртов договор, который, я уверена, лежит на самом видном месте, и уеду. Весь этот цирк займёт максимум час. Потом я вернусь домой, переоденусь, сяду в машину и поеду в горы.

Отпуск не потерян. Просто откладывается на час.

Я почти поверила в это.

Офис «Туманов Групп» располагался в бизнес-центре на набережной — стеклянном монолите, который отражал утреннее солнце так, что глазам становилось больно. Я припарковалась на служебной стоянке, прошла через турникеты, помахала охраннику Семёнычу, который смотрел на меня с сочувствием.

— Лисицына, а вы вроде в отпуске должны быть? — спросил он, отрываясь от монитора с камерами.

— Должна, Семёныч, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Но нашла приключения на одно место.

— Бывает, — кивнул он. — Вы не переживайте, быстро управитесь.

Я улыбнулась ему в ответ и направилась к лифтам. Внутри всё сжалось, когда двери открылись и я шагнула в прохладный полумрак кабины. Нажала кнопку двадцать третьего этажа — этажа, где располагалась приёмная и кабинеты руководства.

На каждом этаже были свои запахи. На первом — кофе из автомата и свежая выпечка из буфета. На десятом — типографская краска и бумага, потому что там сидел архив. На двадцать третьем пахло дорогим деревом, кожей и — неуловимо — деньгами.

Лифт открылся, и я шагнула в приёмную.

Здесь всё было, как всегда. Мягкий ковролин, приглушающий шаги. Строгие кожаные кресла для посетителей. Стол секретаря, за которым восседала...

Леночка.

Вот она сидела, откинувшись на спинку кресла, и с тем видом глубокой сосредоточенности, который бывает у людей, решающих вопрос жизни и смерти, точила пилочкой ногти. Её рабочее место выглядело так, будто здесь только что прошёл ураган: разбросанные бумаги, пустые чашки из-под кофе, телефонная трубка, снятая и брошенная на рычаг.

Она подняла голову, когда я вошла, и на её лице расцвела та самая улыбка, которая меня бесила больше всего — улыбка человека, который искренне не понимает, почему кто-то может злиться на неё.

— Ой, Ника, привет! — воскликнула она, даже не подумав встать. — Не думала, что ты приедешь так быстро.

Я посмотрела на часы. От её первого сообщения прошёл час. Час, за который я успела вырваться из сна, принять душ, выпить кофе, одеться и проехать полгорода. Леночка за этот час, судя по всему, только и сделала, что переместилась с

одного места на другое.

— Привет, — сказала я ровным голосом, хотя внутри всё кипело. — Так что именно ты не смогла найти?

Она отложила пилочку и задумчиво посмотрела на свой идеальный маникюр, как будто это был вопрос, требующий серьёзных размышлений.

— Максиму Владимировичу срочно нужен договор по «Иннотеху», — протянула она. — А я его нигде не могу найти. Ты же всегда всё знаешь, ты же его последняя видела.

— В каком смысле «последняя видела»? — я почувствовала, как в голосе прорезаются металлические нотки. — Договор подшит в архив. В папку. С названием. На второй полке.

Леночка захлопала ресницами, и на её лице появилось выражение, которое я видела у первокурсников на экзамене, когда они не учили билеты.

— Я... ну... я смотрела вроде...

— Ты смотрела, — повторила я, медленно, как будто разговаривала с ребёнком. — Или ты сделала вид, что смотришь, чтобы не напрягаться?

— Ника! — возмутилась она. — Что ты такое говоришь? Я старалась!

Я посмотрела на её стол. Бумаги, которые она даже не удосужилась разложить по папкам. Чек из кофейни. Новая помада, которую она, видимо, купила по дороге на работу. И ни одного признака того, что кто-то здесь вообще пытался

искать какой-то договор.

Вдох-выдох. Я не сорвусь. Я профессионал. Я выше этого.

— Леночка, — сказала я, и мой голос стал тихим, почти ласковым, — ты когда-нибудь смотрела в тот шкаф? — я кивнула на высокий металлический шкаф в углу приёмной, где хранилась рабочая документация.

— Смотрела, — обиженно надула губки она.

— И что ты там видела?

— Ну... папки.

— Много папок?

— Много.

— И ты решила, что искать в них — это не твоё дело?

Леночка открыла рот, чтобы возразить, но я уже шагала к шкафу. Открыла металлическую дверцу. Полки были заполнены аккуратно подписанными папками — система, которую я сама разработала два года назад, когда устала искать документы по всей приёмной. Слева — текущие проекты. Справа — закрытые. Вторая полка, раздел «Международные контракты», папка «Иннотех — договор поставки, оригинал».

Я вытащила её и положила на стол перед Леночкой.

— Вот, держи, — сказала я, чувствуя, как внутри пульсирует злость. — Можешь отнести шефу.

Я развернулась и направилась к выходу. Я была так зла, что не чувствовала своих ног. Только одна мысль: уйти отсюда. Быстро. Пока я не сказала чего-нибудь, о чём потом пожалею.

— Ника, подожди! — окликнула меня Леночка, и в её голосе прозвучало что-то новое. Не привычная ленивая беспечность, а лёгкая нервозность. — Босс сказал, чтобы ты привезла документы к нему домой. Лично.

Я остановилась.

Повернулась.

Посмотрела на Леночку, которая теперь выглядела так, будто хотела провалиться сквозь землю. На её лице читалось: «Я всего лишь передаю, что сказали».

— Лично? — переспросила я.

— Да. Он... он сказал, что хочет лично обсудить с тобой детали. Что-то связанное с немецкими партнёрами. Я не вникала.

Не вникала. Конечно, не вникала.

Я стояла посреди приёмной, сжимая в руках папку с договором, и чувствовала, как где-то глубоко внутри меня медленно, но верно закипает желание взорваться.

Максим Владимирович Туманов.

Человек, который даже не соизволил показаться в офисе. Который управлял всем через приказы, переданные по цепочке. Который, судя по всему, решил, что я — его личный курьер, готовая сорваться по первому требованию, даже когда у меня отпуск.

Я могла бы отказаться.

Я могла бы развернуться и уйти, оставив договор на столе, и пусть они сами разбираются, кто и куда его понесёт.

Но я знала, что будет дальше.

Леночка скажет, что я была, но отказалась ехать. Максим Владимирович запомнит это. А через месяц, когда будет решаться вопрос о повышении, о котором я мечтала два года, он вспомнит, что я — та самая девица, которая не удосужилась выполнить поручение.

И всё.

Конец карьере в «Туманов Групп».

Я посмотрела на папку в руках. Потом на Леночку. Потом на дверь, за которой была свобода и горы.

— Дай адрес, — сказала я сквозь зубы.

Леночка с облегчением выдохнула и быстро продиктовала мне адрес загородного дома. Я набрала его в навигатор, даже не глядя на экран, развернулась и вышла из приёмной.

В лифте я смотрела на своё отражение в зеркальных дверях и не узнавала себя. Глаза горели, скулы напряжены, губы сжаты в тонкую линию. Я выглядела как человек, который вот-вот сорвётся.

— Успокойся, — сказала я своему отражению. — Ответишь документы, и всё. Пять минут. Он даже не выйдет. Передашь охраннику — и свободна.

Отражение смотрело на меня с недоверием.

Дорога до Туманова заняла час. Навигатор вёл меня через

город, потом через мост, потом по шоссе, которое постепенно превращалось в узкую, но ухоженную дорогу с идеальным асфальтом. Город остался позади, высотки сменились соснами, а потом — и вовсе частный сектор, где за высокими заборами прятались дома, каждый из которых стоил как мой рюкзак с трекинговым снаряжением, помноженный на бесконечность.

Я ехала и кипела.

Час. Целый час моей жизни, которую я могла бы провести в горах, я потратила на то, чтобы тащиться через полгорода к дому человека, который даже не удосужился спуститься в офис. Который, судя по тому, что адрес был загородный, вообще сегодня не собирался работать.

Он дома. В халате. Пьёт кофе и смотрит, как его секретарша не может найти договор, который лежит на видном месте. И вместо того чтобы сказать: «Лена, включи голову и посмотри во второй шкаф», он звонит мне. Мне, у которой отпуск. Мне, которая всё равно приедет, потому что не может позволить себе потерять эту работу.

Я чувствовала себя марионеткой. Дёрнули за ниточку — и я поехала. Дёрнули за другую — и я нашла договор. Дёрнули за третью — и я уже тащусь в его загородный дом, как дрессированная собачка, которая приносит тапочки.

В голове крутились варианты того, что я ему скажу. Я отрепетировала целую речь — вежливую, но холодную, с намёком на то, что в следующий раз я не приеду. Что у меня

есть права. Что отпуск — это святое.

Но чем ближе я подъезжала к дому, тем больше понимала: я ничего ему не скажу.

Потому что Максим Владимирович Туманов — не тот человек, с которым можно разговаривать таким тоном.

Я видела, как увольняли тех, кто пробовал. Как их карьеры заканчивались в тот момент, когда они позволяли себе лишнее слово. В этой компании не было профсоюзов и не было справедливости. Была только воля одного человека, который решал, кому расти, а кому — искать новую работу.

И я не могла позволить себе искать новую работу.

Не сейчас. Не когда мать только начала привыкать к тому, что я могу оплачивать её лечение. Не когда до полного погашения ипотеки оставалось три года. Не когда на горизонте маячило повышение, о котором я мечтала.

Я сжала руль и выдохнула.

Сделаю, что просят. Уеду. И больше никогда не позволю себе оказаться в такой ситуации. В следующий отпуск я уеду так далеко, что меня не найдут. И сменю номер. И оставлю инструкции в трёх экземплярах.

Но сначала — этот дом. Этот договор. Этот человек, который, даже не видя меня, умудрялся управлять каждым моим шагом.

Навигатор сказал: «Вы прибыли в пункт назначения».

Я подняла голову и увидела ворота.

Они были огромными — коваными, с гербом, который

я никогда раньше не видела. Чёрный металл, изящные завитки, автоматический механизм, который сработал, едва я подъехала. Ворота медленно отворились, пропуская меня внутрь, и я почувствовала себя Алисой, шагнувшей в кроличью нору.

За воротами открывалась широкая подъездная аллея, посыпанная белым щебнем, который хрустел под колёсами. Вдоль дороги — идеально подстриженные туи, за ними — лужайки, на которых даже травинка не смела расти не в ту сторону. Дом показался не сразу — он прятался за поворотом, и когда я его увидела, у меня перехватило дыхание.

Трёхэтажный особняк из тёмного камня, с огромными панорамными окнами и плоской крышей, на которой, кажется, можно было приземлять вертолёты. Архитектура была современной, холодной, безупречной — как всё, что я знала о её владельце. Никаких излишеств, никакого намёка на уют. Только линии, стекло, бетон и камень.

Я припарковалась на гостевой стоянке рядом с чёрным внедорожником и серебристым «мерседесом». Выключила двигатель, взяла папку с договором и вышла из машины.

Воздух здесь был другим. Пахло хвоей, влажной землёй и почему-то дорогим парфюмом — или мне просто казалось. Я огляделась. Ни души. Только дом, ворота за спиной и тишина, которая давила на уши.

Я подошла к крыльцу и уже собиралась позвонить, когда из тени вышел мужчина. Огромный, в чёрном костюме, с на-

ушником в ухе и лицом, которое не выражало ровным счётом ничего.

— Проходите в дом, — сказал он голосом, не терпящим возражений. — Максим Владимирович ждёт вас.

Он махнул рукой в сторону двери, и я поняла, что это не приглашение. Это приказ.

Я кивнула и шагнула внутрь.

Первое, что я почувствовала, переступив порог, — это тишину. Не ту, которая бывает в пустых домах, когда слышно, как пыль оседает на мебель. Другую. Напряжённую. Такую, когда кажется, что сам воздух замер в ожидании.

Холл был огромным. Высокий потолок, полированный пол из тёмного дерева, на стенах — картины в строгих рамах. Никаких безделушек, никаких ваз с цветами, никаких намёков на личную жизнь. Всё выверено, всё подчинено какой-то холодной геометрии, которая завораживала и пугала одновременно.

Я стояла в центре этого великолепия, прижимая к груди папку с договором, и чувствовала себя чужой. Непрошеной. Лишней.

— Максим Владимирович! — позвала я, и мой голос прозвучал глухо, растворившись в пространстве без эха.

Тишина.

Я переступила с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам. Куда идти? Где его искать? Охранник сказал «в дом», но не уточнил, в какую именно часть этого лабиринта мне нужно направиться.

— Ну вот, ищи его теперь, — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как раздражение снова поднимается из глубины.

Я сделала несколько шагов вперёд, заглядывая в соседнюю комнату — гостиную с белоснежной кожаной мебелью и камином, в котором не горел огонь. Потом в столовую с длинным столом на двенадцать персон. Потом в коридор, который уводил куда-то вглубь дома.

И тут я услышала шаги.

Сверху.

Я замерла, подняла голову и увидела лестницу — широкую, с коваными перилами, уходящую на второй этаж. Шаги становились ближе, тяжёлые, уверенные, и я почему-то перестала дышать.

Он спускался медленно, и у меня было время разглядеть каждую деталь.

Максим Владимирович Туманов.

Я знала его по фотографиям, но фото не передавали и десятой доли того, что я увидела сейчас. Это был не просто мужчина — это была сила, облечённая в плоть. Широкие плечи, узкие бёдра, идеальные пропорции. Тёмные волосы, ещё влажные после душа, падали на лоб тяжёлыми прядями.

Лицо — резкое, с высокими скулами, чёткой линией челюсти и глазами такого тёмного цвета, что казалось, они вбирают в себя весь свет вокруг.

Но не это заставило меня замереть.

Он был в полотенце.

Белом, низко сидящем на бёдрах, держащемся, кажется, на честном слове и силе тяжести. И больше — ничего. Только влажная кожа, на которой поблёскивали капли воды, и рельефные мышцы, которые хотелось рассматривать, как произведение искусства.

Я смотрела на капли, которые стекали с его волос на шею, с шеи — на широкую грудь, с груди — на живот, рассечённый кубиками пресса, и чувствовала, как внутри меня что-то происходит. Что-то, чему я не давала названия.

Во рту пересохло.

В горле встал ком.

Сердце, которое ещё минуту назад стучало ровно и зло, вдруг пропустило удар, потом другой, а потом пустилось в галоп.

И в голове, назло всем приличным мыслям, рванула фантазия — яркая, неприличная, запретная. Я представила, как подхожу к нему, как провожу пальцами по мокрой груди, собирая капли, как поднимаюсь выше, к шее, где бьётся пульс, как опускаюсь ниже, к животу, к границе, за которую не смею заглядывать даже в мыслях. Как срываю это проклятое полотенце и...

— Лисицына, может, уже перестанете топтаться и войдёте?

Голос прозвучал как удар хлыста. Хриплый, низкий, с ленивыми нотками человека, который привык, чтобы его слушались.

Я моргнула.

Реальность вернулась с такой силой, что у меня закружилась голова. Я всё ещё стояла в холле, всё ещё сжимала папку, всё ещё была в белой блузке и строгих брюках. А он — на лестнице, в полотенце, и смотрит на меня так, будто читает каждую мою неприличную мысль.

— Хм... — Я прочистила горло, но голос всё равно звучал хрипло. — Здравствуйте! Да, конечно.

Я сделала шаг вперёд, потом другой. Ноги слушались плохо, как будто я слишком долго сидела в неудобной позе. Максим Владимирович спустился до конца и теперь стоял напротив — слишком близко, чтобы я могла дышать спокойно.

— Я... это... документы привезла, — выпалила я и протянула папку, как щит.

Он взял её. Его пальцы — длинные, сильные, с чёткими сухожилиями — коснулись моих на секунду, и по коже пробежал ток. Он посмотрел на папку, потом на меня, и на его губах появилась улыбка.

Хищная.

Я почувствовала себя зайцем, который случайно забрёл в логово волка и теперь не знает, бежать или притвориться

мёртвым.

— Пойдём на кухню, — сказал он, разворачиваясь. — Я там всё посмотрю. А ты пока сделаешь нам кофе.

И ушёл. Просто развернулся и пошёл вглубь дома, как будто я уже согласилась. Как будто у меня был выбор.

Я постояла секунду, глядя ему в спину — широкую, с идеальными пропорциями, с каплями воды, которые я так хотела собрать языком. Потом сделала глубокий вдох и пошла следом.

В конце концов, я уже здесь. Документы отданы. Осталось сделать кофе, и я свободна.

Свободна.

Я почти поверила в это.

Глава 2

В приёмной «Туманов Групп» пахло кофе, бумагой и чужим равнодушием. Я стояла у металлического шкафа, разглядывая ровные ряды папок, и чувствовала, как злость, которую я сдерживала всю дорогу, пульсирует где-то в затылке, угрожая перерасти в мигрень.

Леночка сидела за своим столом и смотрела на меня с тем выражением, которое я видела у неё каждый раз, когда кому-то приходилось делать её работу. Не благодарность. Не сожаление. Лёгкое удивление: «О, а оказывается, это быстро решается, если вообще начать что-то делать».

— Ты уверена, что он там? — спросила она, кивая на шкаф. — А то я вроде смотрела...

— Ты смотрела, — повторила я, не оборачиваясь. — Я помню.

Я провела пальцами по корешкам папок, и мой взгляд остановился на нужной. «Иннотех. Договор поставки. Оригинал». Всё на своих местах. Всё так, как я оставила перед отпуском.

В голове мелькнула мысль, которая возникала у меня каждый раз, когда я сталкивалась с подобным: а что, если однажды я не приду? Что, если я заболею? Уеду? Уволюсь? Как долго эта компания сможет функционировать, если единственный человек, который помнит, где что лежит, исчез-

нет?

Я вытащила папку, открыла её, проверила содержимое. Договор был на месте — все тридцать страниц, подписи, печати. Всё, что нужно.

— Вот, — сказала я, поворачиваясь к Леночке. — Договор. На второй полке. В папке с названием проекта.

Я протянула ей документы, но она даже не пошевелилась, чтобы их взять. Сидела, откинувшись в кресле, и смотрела на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

— Ты не могла бы сама ему отдать? — спросила она. — А то он сказал, что хочет с тобой поговорить.

Внутри меня что-то щёлкнуло.

— Со мной? — переспросила я. — О чём?

— Не знаю, — пожала плечами Леночка. — Он просто сказал: «Пусть Лисицына зайдёт». Я не спрашивала.

Я смотрела на неё и чувствовала, как злость, которую я пыталась сдерживать, начинает прорываться сквозь корку профессиональной вежливости.

— Лена, — сказала я медленно, — я в отпуске. У меня билеты. У меня забронирована база. Я две недели буду ходить по горам, и единственное, о чём я хочу думать, — это маршрут и погода. Ты понимаешь, что значит «отпуск»?

Она посмотрела на меня с искренним недоумением, как будто я заговорила на языке, которого она не знала.

— Так он же просто поговорить, — сказала она. — Две минуты. Что тебе стоит?

Что мне стоит.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Воздух в приёмной был спёртым, пахло дешёвым кофе и Леночкиными духами — приторно-сладкими, как сироп.

Я вспомнила, как два года назад точно так же сорвала свой отпуск, потому что «срочно нужен отчёт». Как год назад провела новогодние праздники в офисе, потому что «немцы прислали правки в последний момент». Как три месяца назад осталась на выходные, чтобы закрыть квартальную отчётность, потому что Леночка «забыла» передать данные вовремя.

Я всегда была той, кто приходит на помощь. Той, кто знает, где что лежит. Той, кто может найти выход из любой ситуации. И чем больше я помогала, тем больше от меня требовали. Как будто моя надёжность была не достоинством, а обязательством.

— Ладно, — сказала я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Где он?

— В кабинете, — кивнула Леночка в сторону коридора. — Но он сейчас на совещании. По видеосвязи. Подожди немного.

На совещании. Конечно.

Я положила папку на край стола Леночки и отошла к окну. За стеклом простирался город — серый, мокрый, с низкими тучами, которые обещали дождь. Где-то там, в горах, сейчас, наверное, солнце. Сухой воздух. Тишина.

А здесь я ждала человека, который даже не удосужился выйти из кабинета, чтобы поговорить со мной.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Максим Владимирович Туманов.

Я произнесла это имя про себя и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха — от того странного, почти мистического трепета, который он вызывал у всех, кто с ним работал.

Я никогда не разговаривала с ним лично. Только по электронной почте. Только через приказы, которые спускались сверху, проходили через три уровня начальства и доходили до меня уже в виде чётких, не терпящих возражений инструкций.

Но его присутствие чувствовалось всегда.

В коридорах компании, где сотрудники начинали говорить тише, когда проходили мимо кабинета на тридцать восьмом этаже. В корпоративном мессенджере, где имя «М.В. Туманов» в статусе «онлайн» заставляло людей откладывать личные дела и делать вид, что они работают. В тех редких случаях, когда он появлялся на общих собраниях, — тогда зал затихал так, что было слышно, как муха пролетит.

Я помнила первое такое собрание.

Три года назад, когда я только устроилась в компанию.

Меня пригласили в большой конференц-зал на тридцать восьмом этаже — туда, где собиралось высшее руководство. Я была младшим специалистом отдела внешнеэкономической деятельности, и мне сказали: «Будешь записывать протокол». Никто не предупредил, что на собрании будет Туманов.

Я вошла в зал, села в дальний угол, достала ноутбук. В комнате было человек двадцать — все в строгих костюмах, с серьёзными лицами. Они переговаривались вполголоса, поглядывая на дверь. Ждали.

Потом дверь открылась, и он вошёл.

Я не могла оторвать взгляда. В жизни он был другим — не таким, как на фотографиях в деловых журналах. Выше. Шире в плечах. И какая-то неуловимая опасность исходила от него, как от хищника, который притворяется спящим.

Он сел во главе стола, даже не поздоровавшись. Просто открыл папку и сказал:

— Начинаем.

Его голос.

Я запомнила его мгновенно. Низкий, с хрипотцой, такой, что, казалось, он вибрировал в грудной клетке, даже когда говорил тихо. В этом голосе не было эмоций. Только сталь и лед. И какая-то странная, завораживающая сила, которая заставляла слушать, даже когда он говорил скучные цифры и плановые показатели.

То совещание длилось два часа. Я исписала двадцать стра-

ниц протокола, но почти ничего не запомнила из того, что обсуждалось. Я запомнила только его голос. И то, как люди вокруг него менялись.

Начальник юридического отдела, здоровый мужик под два метра, который обычно разговаривал так, что стёкла дрожали, перед Тумановым превращался в нашкодившего школьника. Финансовый директор, женщина с железной хваткой и многолетним опытом работы в крупнейших банках, ловила каждое его слово, как будто от этого зависела её жизнь.

И когда совещание закончилось, Туманов поднялся, посмотрел на всех тем своими тёмными глазами, в которых не было ни искры, и сказал:

— Через неделю жду результаты. Провалов не будет.

Не вопрос. Не просьба. Утверждение. Как закон природы.

Он вышел, и в зале будто включили свет. Люди выдохнули, задвигались, заговорили громче. Кто-то нервно засмеялся.

А я сидела и смотрела на закрывшуюся дверь, чувствуя, как колотится сердце.

Вот такой он, Туманов. Человек, который одним своим присутствием заставлял воздух становиться плотнее.

За три года работы я наслышалась о нём много всего.

Легенды ходили разные. Кто-то говорил, что он начинал в девяностые, что у него было криминальное прошлое, что он выбивал долги чужими зубами. Кто-то утверждал, что он из старой московской семьи, что его дед был академиком, а отец — крупным чиновником. Кто-то шептал о связях в правительстве, о том, что его компания — лишь верхушка айсберга, а под водой скрывается нечто гораздо более масштабное.

Я не знала, что из этого правда. Но я знала другое.

Туманов никогда не повышал голос. Он говорил тихо, спокойно, даже лениво иногда. Но после разговора с ним люди увольнялись. Не потому, что он их увольнял — они уходили сами. Потому что не выдерживали.

Я слышала историю о начальнике отдела продаж, который опоздал на совещание на пятнадцать минут. Туманов не сделал ему замечания. Он просто смотрел на него весь оставшийся час. Не отрываясь. Без эмоций. Просто смотрел. Через неделю тот написал заявление по собственному желанию.

Или о финансовом директоре, который ошибся в отчёте на ноль целых две десятых процента. Туманов заметил ошибку, позвонил ему в кабинет и сказал: «Переделайте». Тремя днями позже, когда отчёт был исправлен, Туманов вызвал его к себе и сказал: «В моей компании не работают люди, которые не умеют считать». И всё. Ни криков, ни угроз. Просто факт.

Я слышала, как дрожащим голосом начальник моего отдела рассказывал коллегам о своей единственной встрече с Тумановым. Как тот смотрел на него своими чёрными глазами, и казалось, что он видит насквозь — все страхи, все сомнения, все тайные мысли. Как потом три дня не мог спать, прокручивая в голове каждое сказанное слово.

«С ним нельзя врать, — говорил начальник отдела, и в его голосе звучало что-то похожее на восхищение, смешанное с ужасом. — Он чувствует ложь. Как собака. Нюхом».

Я не знала, чувствует ли он ложь. Но я знала, что в нашей компании все боялись его. Даже те, кто его никогда не видел. Даже те, кто работал в филиалах в других городах. Имя «Туманов» было брендом. Брендом страха.

И теперь этот человек, которого я три года видела только издали, вызвал меня к себе. В свой кабинет. Чтобы поговорить.

О чём?

Я перебирала в голове варианты. Может, проект с немцами действительно важен. Может, он хочет, чтобы я лично проконтролировала какие-то детали. Может, это связано с повышением — та самая должность руководителя отдела, о которой я мечтала и на которую, по слухам, было несколько кандидатов.

А может, ему просто нужен был человек, который привезёт договор, потому что Леночка не справилась.

Я склонялась ко второму.

Но даже если так — это мой шанс. Шанс показать себя. Шанс, чтобы он запомнил меня не как «девушку из приёмной, которая принесла бумаги», а как профессионала, который может решать задачи. Который не боится брать на себя ответственность. Который готов расти.

Я выпрямилась, оторвалась от окна и посмотрела на своё отражение в стекле. Бледное, уставшее, с кругами под глазами. Не лучший вид для разговора с боссом.

— Лена, — сказала я, поворачиваясь к секретарше, — у тебя есть кофе? И зеркало?

Кофе оказался растворимым и без сахара, но я выпила его залпом, надеясь, что кофеин придаст мне сил. Зеркало нашлось в дамской комнате, и я привела себя в порядок — поправила воротник блузки, подкрасила губы, собрала выбившиеся пряди в пучок.

Когда я вернулась в приёмную, Леночка разговаривала по телефону. Она кивала, что-то записывала на стикере и выглядела при этом настолько озабоченной, что я почти поверила в её вовлечённость в рабочий процесс.

— Да, я передам, — сказала она в трубку. — Хорошо, Максим Владимирович.

Она положила трубку и посмотрела на меня.

— Заходи, — сказала она, кивая на дверь в коридор. —

Он освободился.

У меня перехватило дыхание.

— Сейчас?

— Да. Второй кабинет, направо.

Я взяла папку с договором и пошла по коридору. Ноги двигались автоматически, а в голове была пустота. Такая пустота бывает перед прыжком в воду, когда ты стоишь на вышке и знаешь, что нужно просто шагнуть вперёд, но тело не слушается.

Кабинет Туманова был на тридцать восьмом этаже. Второй кабинет, направо. Я шла по коридору и считала шаги. Десять, пятнадцать, двадцать. Дверь была закрыта.

Я постучала.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Тот самый голос. Низкий, спокойный, без эмоций. Только теперь он звучал не в огромном конференц-зале, где можно было спрятаться в толпе. Здесь, в коридоре, перед закрытой дверью, он казался оглушающим.

Я взялась за ручку. Металл был холодным, почти ледяным.

Я открыла дверь и вошла.

Кабинет был огромным.

Я ожидала чего-то помпезного — тяжёлой мебели, ков-

ров, картин в золочёных рамах. Но здесь было всё наоборот. Минимализм. Стекло, бетон, чёрное дерево. Стол — огромный, пустой, только ноутбук и стакан с водой. На стенах — ни одного украшения. Только панорамные окна, из которых открывался вид на весь город.

Туманов сидел за столом, откинувшись в кресле. Он был одет — в отличие от того раза, когда я видела его в полотенце. Тёмно-синий костюм, белая рубашка, никакого галстука. Воротник расстёгнут, рукава закатаны до локтя, открывая сильные предплечья с чёткими венами.

Он не смотрел на меня. Его взгляд был прикован к ноутбуку, пальцы что-то печатали. Я стояла у порога, не зная, войти или ждать, пока он заметит меня.

— Садитесь, — сказал он, не поднимая глаз.

Я прошла к стулу напротив его стола. Села, положила папку на колени. Спина прямая, плечи расправлены, лицо спокойное. Я профессионал. Я не боюсь.

— Документы, — сказала я, протягивая папку.

Он поднял глаза.

И я поняла, что всё, что я слышала о его взгляде, — правда. Эти глаза были чёрными. Не тёмно-карими, а именно чёрными, как смоль, как космос, как та пустота, которая смотрит на тебя из глубины вселенной. И в них не было ничего. Ни тепла, ни интереса, ни даже того холодного любопытства, которое я иногда видела у начальников.

Просто пустота.

Он взял папку, открыл, бегло просмотрел документы. Я сидела и смотрела на его руки — сильные, с длинными пальцами, с идеальным маникюром. Руки человека, который привык держать всё под контролем.

— Хорошо, — сказал он, закрывая папку. — Всё в порядке.

Я ждала продолжения. Он молчал.

— Могу я идти? — спросила я, когда пауза затянулась.

Он посмотрел на меня. Взгляд задержался на моём лице на секунду дольше, чем нужно, чтобы просто отметить присутствие.

— Лисицына, — сказал он, и моё имя в его исполнении прозвучало как приговор. — Вы давно в компании?

— Три года, — ответила я. — Отдел внешнеэкономической деятельности, ведущий специалист.

— Знаю, — кивнул он. — Я видел ваши отчёты. Вы хорошо работаете.

Комплимент от Туманова. Я не знала, что на это ответить. В компании ходили легенды о том, как редко он хвалит сотрудников. И как быстро летят головы тех, кто не справляется.

— Спасибо, — сказала я.

— У вас отпуск, — продолжил он. — Вы планировали поездку.

Это был не вопрос. Утверждение. Он знал. Конечно, он знал. Он знал всё.

— Да, — кивнула я. — Горы.

— Треккинг?

Я удивилась. Откуда он знает про треккинг? Я никому в компании не рассказывала. Разве что в соцсетях... но неужели он смотрит соцсети своих сотрудников?

— Да, — ответила я. — Тырнауз.

— Сложный маршрут, — заметил он, и в его голосе мне почудилось что-то вроде... уважения? Или это была насмешка?

— Я готовилась, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Два года.

— Жаль, — сказал он, и его губы изогнулись в улыбку, которая не затронула глаз. — Придётся перенести.

У меня внутри всё оборвалось.

— Простите? — переспросила я.

— Проект с «Иннотех», — сказал он, открывая ноутбук. — Немцы прислали новые требования. Нужно оперативно внести изменения в договор. Я хочу, чтобы этим занимались вы.

— Но у меня отпуск, — сказала я, чувствуя, как голос предательски дрожит. — У меня всё оплачено. База, гид, билеты...

— Компания компенсирует, — перебил он. — В двойном размере.

— Дело не в деньгах, — возразила я, и в моём голосе, наверное, прозвучало что-то не то, потому что Туманов под-

нял голову и посмотрел на меня с выражением, которое я не смогла прочесть.

— Лисицына, — сказал он медленно, как будто разговаривал с ребёнком, — я понимаю, что вы хотели отдохнуть. Но проект важен. Для компании. И для вас.

— Для меня? — переспросила я.

— Вы хотите повышения, — сказал он, и это прозвучало не как вопрос. — Должность руководителя отдела. Я прав?

Я молчала. Потому что говорить было нечего. Он всё знал.

— Такие проекты, — продолжил он, — решают карьеру. Вы справитесь с этим — и через полгода будете сидеть в отдельном кабинете. Не справитесь...

Он не закончил. Не нужно было.

Я сидела и смотрела на него, чувствуя, как внутри меня всё переворачивается. Отпуск, который я планировала два года. Горы, которые были для меня не просто отдыхом, а чем-то большим — местом, где я могла побыть собой, сбросить маску идеального сотрудника, перестать доказывать, что я чего-то стою.

И он знал это. И всё равно отбирал. Потому что мог.

— У меня есть время подумать? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— До завтра, — сказал он. — Но я бы не советовал затягивать.

Я кивнула, поднялась со стула. Ноги были ватными, в голове шумело. Я почти дошла до двери, когда он окликнул

меня.

— Лисицына.

Я обернулась.

Он смотрел на меня из-за стола, и в его чёрных глазах впервые за всё время нашего разговора промелькнуло что-то живое.

— Хороший маршрут выбрали, — сказал он. — Я там был. Три года назад.

И отвернулся к ноутбуку, давая понять, что разговор окончен.

Я вышла из кабинета и прислонилась спиной к стене.

В коридоре было тихо. Только где-то далеко гудел лифт и монотонно жужжали лампы дневного света. Я смотрела на закрытую дверь и пыталась понять, что только что произошло.

Он знал про Тырнауз. Он знал про треккинг. Он знал про моё желание повышения. Он знал всё. И использовал это как рычаг, чтобы заставить меня работать в отпуске.

Но в конце он сказал про маршрут. «Я там был». Зачем? Чтобы показать, что мы чем-то похожи? Чтобы намекнуть, что он понимает, от чего я отказываюсь?

Или просто чтобы я запомнила: он всегда на шаг впереди. Всегда знает больше, чем говорит. Всегда контролирует си-

туацию.

Я сделала глубокий вдох и пошла обратно в приёмную.

Леночка подняла голову, когда я появилась, и на её лице было написано любопытство.

— Ну что? — спросила она. — Что он сказал?

— Ничего, — ответила я, проходя мимо. — Сказал, что всё в порядке.

— А ты? Ты остаёшься?

Я остановилась у двери и посмотрела на неё. На её идеальный маникюр, на её покрашенные губы, на её полное непонимание того, что только что произошло в кабинете на тридцать восьмом этаже.

— Я подумаю, — сказала я и вышла.

В лифте я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Горы. Тырнауз. Хребет, где ветер дует так сильно, что сбивает с ног. Тропы, которые я изучала по картам и фотографиям. База, которую я забронировала восемь месяцев назад. Гид, с которым я созванивалась, обсуждала маршрут, снаряжение, питание.

Всё это было.

И вот теперь Туманов одним разговором перечеркнул всё.

Я знала, что соглашусь. Потому что не могла позволить себе отказаться. Ипотека, мать, карьера — всё это было важ-

нее отпуска. Важнее гор. Важнее тишины.

Но я ненавидела его за это.

Ненавидела за то, что он забрал у меня что-то моё. За то, что он смотрел на меня своими чёрными глазами и знал, что я скажу «да». За то, что он был прав: этот проект действительно мог решить мою карьеру.

Лифт остановился на первом этаже. Двери открылись, и я шагнула в прохладный холл бизнес-центра.

Семёныч на посту безопасности помахал мне рукой.

— Ну что, Лисицына, быстро управились? — спросил он.

— Управилась, — ответила я, проходя мимо.

— В горы-то поедете?

Я остановилась.

— Не знаю, Семёныч, — сказала я. — Посмотрим.

Он посмотрел на меня с сочувствием, но ничего не сказал. Только кивнул и вернулся к своим мониторам.

Я вышла на улицу. Небо было серым, моросил мелкий дождь, и город казался чужим, незнакомым.

Я села в машину, завела двигатель и поехала домой. В голове крутился один и тот же вопрос: что я скажу гиду? Что я скажу матери, которая знала, как я ждала этот отпуск? Что я скажу себе, когда проснусь завтра утром и пойму, что вместо гор меня ждёт офис и договор с немецкими партнёрами?

Я знала ответ. Я скажу: «Так нужно». Как говорила всегда.

Но внутри, где-то глубоко, где прятались все мои «нельзя» и «не стоит», что-то сопротивлялось. Что-то кричало, что я

имею право на отдых. Что я не обязана жертвовать всем ради работы. Что есть вещи, которые важнее карьеры и денег.

Я сжала руль и выдохнула.

Завтра. Я приму решение завтра. А сегодня у меня есть ещё один вечер свободы. Один вечер, чтобы представить, что никакого Туманова нет, что отпуск не сорван, что завтра утром я сяду в машину и поеду в горы.

Я включила музыку погромче и поехала домой.

Дома я первым делом сняла ненавистную блузку и натянула старую футболку и мягкие штаны. Прошла на кухню, налила себе вина — целый бокал, не глядя на количество — и села на подоконник, глядя на вечерний город.

Огни зажигались один за другим, превращая серые дома в мерцающие лабиринты. Где-то там, за этими огнями, был офис «Туманов Групп». Где-то там, на тридцать восьмом этаже, сидел человек, который только что перевернул мою жизнь.

Я взяла телефон и открыла переписку с гидом.

«Извините, возникли непредвиденные обстоятельства. Маршрут, скорее всего, придётся перенести. Свяжусь с вами, когда буду знать даты».

Отправила.

Потом открыла чат с матерью.

«Мамуль, всё в порядке. Просто работа. Отпуск, возможно, перенесу. Позвоню завтра».

Отправила.

Потом открыла чат с подругой, которой рассказывала про горы, про маршрут, про то, как ждала этого момента.

«Катя, я в бешенстве. Туманов вызвал, сказал, что нужен срочно на проекте. Отпуск под угрозой. Поговорим завтра, сейчас просто нет сил».

Отправила.

Я отложила телефон, сделала глоток вина и посмотрела в окно.

В голове всё ещё звучал его голос. «Вы хорошо работаете». «Хороший маршрут выбрали». «Я там был».

Почему он сказал про горы? Зачем?

Может, хотел показать, что мы на одной волне? Или, наоборот, подчеркнуть дистанцию: он был там, где я только мечтала побывать, и теперь он решает, поеду ли я туда вообще.

Я допила вино, налила ещё.

Зазвонил телефон. Катя.

— Привет, — сказала я, принимая вызов.

— Ты чего? — спросила она. — Что случилось?

— Туманов, — ответила я. — Вызвал. Сказал, что нужно срочно работать над проектом. Отпуск под вопросом.

— Ничего себе, — протянула Катя. — А ты что?

— А что я? Сказала, что подумаю.

— Подумаешь? — Катя повысила голос. — Ника, ты два года ждала этого отпуска! Ты мне про эти горы уши прожужжала! И теперь ты говоришь, что «подумаешь»?

— У меня ипотека, — сказала я тихо. — И мать. И повышение на горизонте.

— И что? — не сдавалась Катя. — Ты что, всю жизнь будешь работать на дядю, который даже спасибо не скажет? Ты посмотри на себя! Ты устала! Ты выглядишь как выжатый лимон! Тебе нужен отдых!

— Я знаю, — ответила я. — Но он сказал, что этот проект решит мою карьеру.

— А ты ему веришь?

Я замолчала.

Верю ли я Туманову? Я не знала. Я знала только, что он всегда держит слово. Если он сказал, что проект важен для карьеры, значит, так и есть. Но верить ему... Верить человеку, который одним разговором перечеркнул мои планы, который смотрел на меня своими чёрными глазами и знал, что я не смогу отказаться?

— Не знаю, — сказала я честно. — Но выбора у меня нет.

— Выбор есть всегда, — сказала Катя. — Ты просто боишься его сделать.

Я допила вино и посмотрела на пустой бокал.

Может, она и права. Может, я действительно боюсь. Боюсь сказать «нет» человеку, который привык, чтобы ему подчинялись. Боюсь потерять работу, которая даёт мне стабиль-

ность. Боюсь, что если я сейчас уступлю, то буду уступать всегда.

— Я завтра позвоню, — сказала я. — Мне нужно подумывать.

— Думай, — вздохнула Катя. — Но помни: горы никуда не денутся. А вот ты можешь не дойти.

Мы попрощались, и я осталась одна в тёмной кухне, глядя на огни города.

Горы никуда не денутся.

Но Туманов тоже никуда не денется.

Я закрыла глаза и представила, как иду по хребту, как ветер свистит в ушах, как под ногами хрустит снег. А потом открыла и увидела вместо гор свой телефон, на котором светилось уведомление о новом письме.

«Уважаемая Вероника! Напоминаем, что завтра в 10:00 состоится совещание по проекту «Иннотех». Присутствие обязательно. С уважением, приёмная М.В. Туманова».

Я посмотрела на время отправления. 19:46.

Он не ждал до завтра. Он уже знал, что я соглашусь.

Я взяла телефон, набрала ответ: «Присутствие подтверждаю».

И выключила свет.

Ночью мне снились горы. Я шла по узкой тропе, над об-

рывом, и ветер дул так сильно, что я боялась оступиться. А за моей спиной кто-то шёл. Я не видела его, но чувствовала тяжёлый взгляд на затылке. Я ускорялась, и он ускорялся. Я почти бежала, а он всё ближе, ближе.

Я обернулась.

Там был Туманов. В своём тёмно-синем костюме, с расстёгнутым воротником, с чёрными глазами, которые смотрели на меня без эмоций.

— Вы хорошо идёте, Лисицына, — сказал он. — Но вам ещё далеко.

Я проснулась в холодном поту, когда за окном уже светало.

Утром я встала рано, приняла душ, оделась в строгий костюм — на всякий случай, если придётся идти в офис. Собрала волосы в пучок, накрашилась, надела туфли на каблуках.

В зеркале на меня смотрела идеальная сотрудница. Собранная, спокойная, готовая к любым вызовам.

Только в глазах — тень тех гор, которые я, кажется, потеряла.

Я взяла ключи, сумку, телефон. На пороге остановилась, посмотрела на рюкзак с трекинговыми ботинками, который всё ещё стоял у двери.

— Я вернусь, — сказала я ему шёпотом. — Обязательно вернусь.

И вышла из квартиры, закрывая за собой дверь.

В лифте я достала телефон и увидела новое сообщение. От неизвестного номера.

«Доброе утро, Вероника. Напоминаю: совещание в 10. Не опаздывайте. Максим Туманов».

Он. Лично. Написал мне. В семь утра.

Я сжала телефон так, что побелели костяшки, и ответила: «Буду вовремя».

В офисе я появилась за пятнадцать минут до начала. Приёмная на тридцать восьмом этаже встретила меня тишиной и запахом дорогого кофе. Леночка уже была на месте — сидела за столом, листала какой-то глянцевого журнала и смотрела на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

— Он ждёт? — спросила я.

— Да, — кивнула она. — Проходи.

Я постучала в дверь кабинета Туманова.

— Войдите.

Я открыла дверь и шагнула внутрь.

Он сидел за столом, как вчера, только сегодня был в чёрном костюме и при галстук. Перед ним лежали документы, на экране ноутбука шла видеоконференция с кем-то, кто го-

ворил по-немецки.

Туманов поднял голову, посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то — удовлетворение? предвкушение? — прежде чем он снова стал бесстрастной маской.

— Садитесь, Лисицына, — сказал он. — Начинаем.

Я села на тот же стул, что и вчера, положила на колени блокнот и ручку. Сердце колотилось где-то в горле, но я держала лицо.

Он нажал кнопку на ноутбуке, и немецкая речь оборвалась.

— Вы приняли решение? — спросил он.

— Да, — ответила я. — Я работаю над проектом.

Он кивнул, и мне показалось, или на его губах действительно мелькнула тень улыбки?

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начнём.

Он подвинул ко мне стопку документов, и я склонилась над ними, чувствуя на себе его взгляд.

Вот так я и осталась. Не в горах, где мечтала быть. А здесь, в кабинете на тридцать восьмом этаже, под взглядом человека, который одним своим словом мог изменить всё.

Я выбрала работу.

Или мне показалось, что у меня был выбор?

Глава 3

Я вылетела из офиса, даже не попрощавшись с Семёнычем. Шагнула в серый, приторно-влажный воздух утра, который обещал дождь, и почувствовала, как на плечи опускается тяжёлое, липкое одеяло раздражения. Оно обволакивало, душило, заставляло сжимать челюсти так, что начинала ныть голова.

В руке я всё ещё сжимала телефон, на котором светился адрес Туманова. Навигатор проложил маршрут — час двенадцать минут по пробкам, если повезёт. Если не повезёт — полтора. Полтора часа моей жизни, которые я могла бы провести где угодно, только не в машине, тащась через полгорода к человеку, который даже не соизволил спуститься в офис.

Я села в машину, бросила папку с договором на пассажирское сиденье и с силой захлопнула дверь. В тишине салона звук показался оглушительным — как выстрел. Я перевела дыхание, завела двигатель и нажала на педаль газа сильнее, чем следовало. Машина дёрнулась, выбрасываясь с парковки, и я услышала, как сзади возмущённо засигналили.

— Идите вы все, — прошипела я, вливаясь в поток.

Сначала я включила музыку, чтобы заглушить внутрен-

ний голос, который уже начал закипать, как вода в закрытой кастрюле. Тяжёлые гитарные риффы, которые обычно помогали мне отключить голову и просто двигаться в такт, сегодня только подстёгивали раздражение. Ударные били по нервам, бас вибрировал в грудной клетке, и я чувствовала, как каждая нота въедается в мозг раскалённой иглой.

Я переключила на что-то более спокойное — джаз, расслабляющий, с ленивым саксофоном. Но саксофон через пять минут начал меня бесить своей расслабленностью. Как он смеет быть таким безмятежным, когда я тащусь в эту чёртову глушь, чтобы вручить договор человеку, который мог бы просто сказать своей секретарше: «Посмотри на второй полке»?

Я выключила музыку совсем.

Тишина в салоне оказалась ещё хуже. В ней слишком громко звучали мои мысли.

«Отвези договор домой. Лично».

Что это вообще значит? С каких пор генеральный директор крупнейшего холдинга принимает курьеров у себя дома? У него что, нет секретаря? Нет водителя? Нет человека, который может просто открыть ворота и забрать папку, даже не выходя из машины?

Нет, ему обязательно нужно, чтобы я тащилась за город. Чтобы я стояла в его прихожей и чувствовала себя идиоткой с этой дурацкой папкой.

Я представила эту сцену. Я звоню в дверь. Открывает, на-

верное, домработница или дворецкий — у таких людей обязательно есть дворецкий. Забирает папку, кивает, закрывает дверь. Всё. Я разворачиваюсь и еду обратно, потратив три часа жизни на то, что можно было решить одним телефонным звонком.

Или, может быть, он сам откроет?

Я тут же отбросила эту мысль. Туманов — человек, который не выходит к людям. Он появляется только на общих собраниях, только в конференц-залах, только когда ему нужно продемонстрировать власть. В быту он, наверное, вообще не показывается, как персонаж фильма ужасов, который страшнее, когда его не видно.

Но потом я вспомнила его взгляд. Тот самый, которым он окинул меня на совещании два года назад. Холодный, изучающий, как будто он видел меня насквозь — все мои страхи, все мои амбиции, все мои тайные мысли.

Я поёжилась, хотя в машине было тепло.

Пробки начались сразу за мостом. Я застряла в длинной веренице машин, которая ползла со скоростью пешехода, и чувствовала, как раздражение достигает критической точки. Пальцы барабанили по рулю, я смотрела на часы и мысленно прикидывала: если так пойдёт дальше, я потеряю ещё полчаса.

Полчаса. Тридцать минут. Тысяча восемьсот секунд моей жизни, которые я могла бы потратить на что угодно — на сборы, на сон, на то, чтобы просто посидеть на балконе с чашкой кофе и представить, как через два дня я иду по горной тропе, где нет машин, нет пробок, нет Тумановых с их дурацкими договорами.

Горы.

Я закрыла глаза на секунду, и перед внутренним взором встала картинка, которую я лелеяла последние месяцы. Хребет, покрытый снежными шапками. Тропа, выющаяся между скалами. Ветер, который сбивает дыхание, но одновременно выдувает из головы всю городскую пыль. Тишина. Настоящая тишина, в которой слышно только своё сердце и хруст гравия под ногами.

Я представила, как стою на вершине, смотрю вниз, на долину, и чувствую, что я — маленькая точка в огромном мире, но эта точка имеет значение. Просто потому, что она здесь. Потому что она дошла.

Сзади засигналили. Я открыла глаза, нажала на газ и снова влилась в поток.

Горы подождут. Сначала Туманов.

Я начала репетировать речь, которую скажу ему, когда вручу договор. Я знала, что он, скорее всего, даже не вый-

дет, но всё равно прокручивала в голове варианты. На всякий случай. Чтобы быть готовой.

Первый вариант — саркастический.

«Максим Владимирович, вот ваш договор. Леночка не смогла его найти, потому что он лежал на второй полке. В папке с названием. Которую я подписала маркером. Крупными буквами. Вы не могли бы передать ей, что иногда полезно открывать шкаф и смотреть внутрь?»

Слишком дерзко. Слишком эмоционально. Туманов не тот человек, с которым можно позволить себе сарказм. Он уволит меня, даже не повысив голоса. Просто скажет: «Лисицына, вы свободны», и я буду собирать вещи под взглядами охранников.

Второй вариант — почтительный.

«Максим Владимирович, добрый день. Я привезла документы по «Иннотеху», которые вы просили. Если у вас есть какие-то дополнительные вопросы, я готова ответить. Хорошего дня».

Слишком раболепно. Слишком по-холопски. Я не лакей, чтобы кланяться и угодливо улыбаться. У меня высшее образование, три года стажа в этой компании, и я ни разу не допустила ошибки в документах. Я имею право на уважение.

Третий вариант — деловой.

«Максим Владимирович, вот запрошенные документы. Если потребуется что-то ещё, я на связи. Всего доброго».

Коротко. По делу. Без лишних эмоций. Профессиональ-

но.

Я остановилась на третьем. Коротко, по делу, и — уехать. Быстро. Пока он не придумал ещё какое-нибудь поручение.

Дорога за городом оказалась лучше, чем я ожидала. Широкое шоссе с идеальным асфальтом, разметка, которая не стёрлась за зиму, освещение, хотя солнце ещё не село. Вдоль дороги — аккуратно подстриженные деревья, за ними — поля, которые уже начали зеленеть.

Я ехала и чувствовала, как постепенно уходит городская суэта. Машин становилось меньше, воздух — чище. Я открыла окно, и в салон ворвался запах хвои и влажной земли. Пахло весной, обновлением, чем-то таким, от чего на душе становилось легче.

Я почти расслабилась.

Почти.

Потом навигатор свернул меня с шоссе на узкую дорогу, которая уходила в лес, и я поняла, что подъезжаю. Вокруг выросли высокие заборы, за которыми угадывались дома. Не простые дома — усадьбы. С башнями, с мансардами, с коваными воротами, за которыми угадывались просторные участки.

Это был другой мир. Мир, в котором живут люди, не считающие деньги. Мир, где у каждого дома есть имя, а у каж-

дого имени — история. Я чувствовала себя чужой здесь, в своей старой машине, в строгой блузке, с папкой договора на пассажирском сиденье.

Я была гостьей из другого измерения.

Забор Туманова появился внезапно. Навигатор сказал: «Вы прибыли в пункт назначения», и я подняла голову.

Ворота были огромными. Не просто забор с калиткой, а настоящее произведение кузнечного искусства — чёрный металл, изящные завитки, герб, который я не разглядела издалека. Ворота были закрыты, и я притормозила, не зная, что делать.

Потом сработал автоматический датчик. Ворота медленно, с лёгким гудением, начали открываться, пропуская меня внутрь. Как будто меня ждали. Как будуя за мной наблюдали с того момента, как я выехала из города.

Я въехала на территорию, и ворота за моей спиной так же медленно закрылись.

Подъездная аллея была посыпана белым щебнем, который хрустел под колёсами с таким звуком, будто я ехала по сахарной глазури. Вдоль дороги — идеально подстриженные

туи, за ними — лужайки с газоном, который казался зелёным бархатом. Ни одной травинки не торчало вверх, ни одного листика не лежало на дорожке.

Всё было слишком правильным. Слишком аккуратным. Слишком мёртвым.

Я припарковалась на гостевой стоянке рядом с двумя машинами — чёрным внедорожником и серебристым «мерседесом», который, судя по номеру, был не старше этого года. Моя машина, старая, пыльная, с налипшими на колёса остатками городской грязи, смотрелась здесь как попрошайка на балу.

Я выключила двигатель, взяла папку и вышла.

Дом возник передо мной, когда я обогнула поворот.

Я видела много красивых домов. На фотографиях в журналах, в фильмах, иногда — вживую, когда случайно заезжала в такие вот элитные посёлки. Но этот дом был другим.

Он был холодным.

Не в том смысле, что в нём не топили, а в том, что он излучал холод. Трёхэтажное здание из тёмного камня, с огромными панорамными окнами, которые отражали небо и деревья, делая дом почти невидимым на фоне леса. Плоская крыша, чёткие линии, минимум декора. Архитектура, которая кричала о вкусе, о деньгах, о власти — и молчала о чём-

то другом.

О доме, в котором живут.

Здесь не было цветов на подоконниках, не было садовых фигурок, не было даже садовой мебели на веранде. Только камень, стекло и идеально подстриженные кусты.

Я стояла на подъездной дорожке, сжимая папку, и чувствовала себя так, будто пришла на экскурсию в музей. Или на похороны.

Я подошла к крыльцу. Ступени были выложены тёмным камнем, перила — из чёрного металла, без единого завитка. Всё прямо, строго, функционально.

Я уже собиралась позвонить в домофон, когда из тени у входа выступила фигура.

Я вздрогнула.

Охранник. Огромный, как шкаф, в чёрном костюме, с наушником в ухе и лицом, которое не выражало ровным счётом ничего. Он появился так тихо, что я не услышала ни шага.

— Проходите в дом, — сказал он голосом, который, казалось, исходил не из человеческого горла, а из динамика.

— Я... — начала я, но он уже махнул рукой в сторону двери, давая понять, что возражения не принимаются.

Я кивнула и шагнула к двери. Она была открыта.

Внутри было тихо. Не та тишина, которая бывает в пустых квартирах, когда слышно, как капает вода из крана, а какая-то особенная, вакуумная. Как будто из этого помещения выкачали весь воздух вместе со звуками.

Я вошла в холл и остановилась.

Потолок уходил вверх на два этажа, и оттуда, с высоты, свисала огромная люстра из хрусталя и металла — не классическая, с подвесками, а какая-то авангардная конструкция, которая больше походила на космический корабль, чем на источник света.

Пол был из тёмного дерева, натёртого до зеркального блеска. На стенах — картины в строгих рамах. Я не разбиралась в искусстве, но даже мне было понятно: это не рыночные подделки. Оригиналы. Дорогие. Холодные.

В холле не было мебели. Только пара кресел у окна, такое же строгое, без подушек и пледов, и стеклянный столик, на котором лежала одна-единственная книга в кожаном переплёте.

Я почувствовала себя неуютно. Не потому, что дом был страшным или пугающим. А потому, что в нём не было жизни. Ни одной личной вещи. Ни одной детали, которая сказала бы: здесь живёт человек. Со своими привычками, слабостями, странностями.

Это был дом-робот. Идеальный, функциональный, мёртвый.

— Максим Владимирович! — позвала я, и мой голос прозвучал глухо, как в подвале.

Тишина.

Я переступила с ноги на ногу. Туфли на каблуках оставили на блестящем полу два чётких следа, и я на секунду испугалась, что их будет видно. Потом одёрнула себя: я здесь по приглашению, я не воровка, чтобы бояться оставить следы.

— Максим Владимирович! — повторила я громче.

Ничего.

Я прошла вперёд, заглядывая в соседние комнаты. Гостиная. Столовая. Библиотека? Комната с огромными стеллажами от пола до потолка, заставленными книгами, но без единого кресла, в котором можно было бы сесть и почитать.

Везде было пусто. Чисто. Стерильно.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха — от странного ощущения, что за мной наблюдают. Я оглянулась. В холле никого. Только моё отражение в зеркальном полу, которое смотрело на меня снизу, как из-под воды.

— Ну вот, ищи его теперь, — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как раздражение снова поднимается из глубины.

ны.

Я прошла в коридор, который уводил куда-то вглубь дома. Стены здесь были из светлого камня, на них — чёрно-белые фотографии. Города. Архитектура. Ни одного человеческого лица.

И тут я услышала звук.

Сверху.

Шаги.

Я замерла, подняла голову. В конце коридора была лестница — широкая, с коваными перилами, уходящая наверх. Шаги становились ближе. Тяжёлые. Уверенные. Такие, которые не спрашивают разрешения.

Я не знала, почему я не двинулась с места. Почему я стояла, как вкопанная, сжимая папку, и ждала. Может быть, потому что в этом доме, в этой тишине, в этом вакууме любое движение казалось лишним. Может быть, потому что я чувствовала — то, что сейчас произойдёт, изменит что-то. Не знаю что. Но что-то.

Он появился на лестнице, и я перестала дышать.

Туманов спускался медленно, и у меня было время разглядеть каждую деталь.

Он был не в костюме. Не в рубашке, даже не в футболке. Он был в полотенце.

Белом, пушистом, низко сидящем на бёдрах. Всё остальное — влажная кожа, на которой блестели капли воды, рельефные мышцы, которые хотелось рассматривать, как скульптуру, тёмные волосы, ещё мокрые после душа.

Я смотрела, как капли стекают с его плеч на грудь, с груди на живот, рассечённый кубиками пресса, и чувствовала, как внутри меня происходит что-то, чему я не давала названия. Горло пересохло. В груди стало тесно. Сердце билось где-то в ушах, глухо и тяжело.

Он не смотрел на меня. Или делал вид, что не смотрит. Его взгляд был направлен куда-то в сторону, на окно, на картину, на что угодно, только не на меня. Но я чувствовала его внимание. Как будто он видел меня всей своей кожей, каждой каплей воды, которая ещё не высохла.

Он спустился на последнюю ступеньку и остановился.

Я стояла в трёх метрах от него, и этот трёхметровый коридор казался мне пропастью. Я смотрела на его руки — сильные, с чёткими венами, на пальцы, которые держали край полотенца, и думала о том, что эти пальцы делали сегодня утром. Мыли голову. Нажимали на кнопки кофемашины. Листали документы, которые я привезла.

— Лисицына, может, уже перестанете топтаться и войдёте? — спросил он, и его голос прозвучал хрипловато, как будто он только что проснулся.

Я моргнула. Реальность вернулась с такой силой, что у меня закружилась голова.

— Хм... — Я прочистила горло, но голос всё равно прозвучал сипло. — Здравствуйте! Да, конечно.

Я сделала шаг вперёд. Потом другой. Ноги слушались плохо, как будто я слишком долго сидела в неудобной позе.

— Я... это... документы привезла, — выпалила я и протянула папку, как щит.

Он взял её. Его пальцы коснулись моих на секунду, и по коже пробежал разряд. Я отдёрнула руку, может быть, слишком резко, потому что он поднял бровь.

— Боитесь? — спросил он.

— Нет, — ответила я слишком быстро.

Он улыбнулся. Не той дежурной улыбкой, которую я видела у него на совещаниях, а какой-то другой. Более живой. Более... опасной.

— Зря, — сказал он. — Иногда бояться полезно.

Он развернулся и пошёл вглубь дома, бросив через плечо:

— Пойдём на кухню. Я просмотрю документы. А вы сделаете кофе.

Я стояла и смотрела ему в спину. Широкую, с идеальными пропорциями, с каплями воды, которые я так хотела собрать языком. Потом сделала глубокий вдох и пошла следом.

Кухня оказалась такой же стерильной, как и всё остальное в этом доме. Белоснежные шкафы без ручек, столешница из

чёрного камня, барная стойка с высокими стульями. Встроенная техника, которая выглядела так, будто её никогда не использовали. Ни одной тарелки в сушке, ни одной баночки со специями, ни одной кружки с трещинкой, которая была бы «любимой».

Я чувствовала себя так, будто нахожусь в выставочном образце. Всё красиво, всё функционально, но никто здесь не живёт.

— Кофемашина там, — кивнул Туманов в сторону встроенного шкафа, который при ближайшем рассмотрении оказался техникой.

Он сел за барную стойку, положил папку перед собой и начал просматривать документы. Я подошла к кофемашине и принялась изучать панель управления.

Модель была дорогой, профессиональной. Я таких вживую не видела, только в журналах. Кнопок было столько, что я растерялась.

— Я не... — начала я.

— Чёрный. Без сахара, — сказал он, не поднимая головы.

Я промолчала. Нашла кнопку включения, подождала, пока машина нагреется, и начала экспериментировать. Первая чашка получилась слишком слабой. Я вылила, сделала вторую — покрепче. Пока возилась с кофе, краем глаза наблюдала за Тумановым.

Он сидел расслабленно, откинувшись на стул, и листал договор. Полотенце всё ещё было на нём, и я ловила себя на

том, что смотрю на то, как капли воды высыхают на его коже. На плечах уже не блестели, а на груди ещё оставались. И на животе.

Я отвернулась и сосредоточилась на кофе.

Третья чашка получилась нормальной. Я поставила её перед ним, стараясь не смотреть на его руки, на его пальцы, которые держали бумаги.

— Спасибо, — сказал он, и это «спасибо» прозвучало так неожиданно, что я растерялась.

— Пожалуйста, — ответила я и отошла к окну.

Вид из кухни открывался на задний двор. Там был бассейн — огромный, с подсветкой, которая сейчас не горела. Вокруг — шезлонги, зонты, идеально ровный газон. И лес за забором. Тёмный, плотный, настоящий.

Контраст между идеальной стерильностью дома и живым, дышащим лесом был таким резким, что у меня заломило в висках.

— Вы давно в компании? — спросил он, и я обернулась.

Он смотрел на меня. Не на документы, не на окно — на меня. И в его взгляде было что-то, от чего по спине побежали мурашки.

— Три года, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Отдел внешнеэкономической деятельности?

— Да.

— Ведущий специалист?

— Да.

— Почему не руководитель?

Вопрос застал меня врасплох.

— Я... — начала я, подбирая слова. — Я подавала заявку.

Но в этом году было много кандидатов.

— Вы знаете, почему вас не повысили? — спросил он, и в его голосе не было насмешки. Только спокойный, деловой интерес.

— Недостаточно опыта управления, — сказала я то, что мне сказали на собеседовании.

Он усмехнулся.

— Вам сказали неправду.

Я замерла.

— Вас не повысили, потому что вы слишком хороши на своей позиции, — сказал он. — Ваш отдел работает как часы. Документы в порядке. Сроки соблюдаются. Немцы довольны. Начальству выгодно, чтобы вы оставались там, где вы есть.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает что-то новое. Не злость. Не обиду. Какое-то странное, острое чувство, которое я не могла определить.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила я.

Он отодвинул папку, взял чашку с кофе и сделал глоток. Его кадык двинулся, и я проследила за этим движением, как за гипнотизированной.

— Потому что я хочу, чтобы вы работали на меня, — ска-

зал он. — Напрямую. Без посредников.

У меня перехватило дыхание.

— В каком смысле?

— Проект с «Иннотех» — это не просто договор поставки, — сказал он. — Это слияние. Две компании, две системы, две культуры. Мне нужен человек, который знает обе стороны. Который говорит на их языке. Который не боится принимать решения.

Он поставил чашку и посмотрел на меня в упор.

— Вы знаете немецкий?

— Да, — кивнула я. — Свободно.

— Юридические аспекты?

— Я готовила договор.

— Вы готовили договор, — повторил он. — Не ваш начальник. Не юридический отдел. Вы.

Я молчала.

— Я знаю, — сказал он. — Я всё знаю, Вероника.

Он назвал меня по имени. Не Лисицына, не «девушка». Вероника. И от этого простого слова у меня внутри всё перевернулось.

— Что вы предлагаете? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Временное повышение, — сказал он. — На время проекта. Если справитесь — постоянная должность. Руководитель отдела международных проектов. С кабинетом на тридцать восьмом этаже.

Тридцать восьмой этаж. Его этаж. Этаж, куда пускали только избранных.

— А если не справлюсь? — спросила я.

— Справитесь, — сказал он, и в его голосе не было сомнений.

Я смотрела на него и не знала, что ответить. Слишком много информации. Слишком много эмоций. Я должна была радоваться — это был шанс, о котором я мечтала. Но внутри меня что-то сопротивлялось.

Может быть, потому что я чувствовала: этот шанс — ловушка. Он не просто так выбрал меня. Он наблюдал за мной три года. Знал, что я говорю по-немецки, что я готовила договор, что меня не повысили. Знал всё.

И теперь он предлагал мне то, от чего я не могла отказаться.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

— Конечно, — кивнул он. — Но не долго. Немцы прилетают через неделю.

Он поднялся из-за стола, и полотенце опасно качнулось на его бёдрах. Я отвела взгляд, но было поздно — он заметил.

— Вас что-то смущает, Вероника? — спросил он, и в его голосе прозвучала насмешка.

— Нет, — ответила я, глядя в окно.

— Вы плохо врёте, — сказал он. — Учитесь. Это пригодится.

Он прошёл мимо меня, и я почувствовала запах — мен-

тол, кедр, что-то ещё, от чего закружилась голова. Он остановился в дверях и обернулся.

— Документы оставьте себе, — сказал он. — Изучите. Завтра в десять жду в офисе с ответом.

И вышел.

Я осталась одна на огромной кухне, сжимая в руках папку с договором, и чувствовала, как колотится сердце.

Я вышла из дома, даже не попрощавшись с охранником. Села в машину, завела двигатель и выехала за ворота, которые снова открылись передо мной, как будто знали, что я уезжаю.

Дорога обратно была такой же пустой, но я почти не замечала её. В голове крутился разговор с Тумановым, его слова, его взгляд, его запах.

«Я всё знаю, Вероника».

Я сжала руль и нажала на газ.

Домой я вернулась, когда уже стемнело. Бросила папку на стол, разулась, прошла на кухню, налила себе вина. Села на подоконник, глядя на ночной город.

В голове было пусто. Только одна мысль, которая пульсировала, как больной зуб:

«Что я делаю?»

Я взяла телефон, открыла переписку с Катей и написала:

«Кать, у меня всё сложно. Туманов предложил мне работу. Напрямую на него. Повышение. Тридцать восьмой этаж».

Ответ пришёл через минуту.

«Ничего себе! И что ты сказала?»

«Сказала, что подумаю».

«А сама-то что думаешь?»

Я посмотрела на папку с договором, на рюкзак с трекинговыми ботинками у двери, на ночной город за окном.

«Не знаю, Кать. Не знаю».

Я отложила телефон, допила вино и закрыла глаза.

Перед внутренним взором снова возник Туманов. Мокрые волосы, капли на груди, полотенце на бёдрах. И голос — низкий, хриплый, который говорил: «Вы плохо врёте».

Я открыла глаза и поняла, что не могу больше врать себе.

Я хотела эту работу.

Я хотела быть на тридцать восьмом этаже.

Я хотела, чтобы он смотрел на меня так, как сегодня — изучающе, заинтересованно, опасно.

Я хотела всего этого. И боялась.

Потому что знала: если я скажу «да», то уже не смогу остановиться. Он заберёт меня целиком. Не только моё время, не только мои навыки — всего меня. И я позволю ему это сделать.

Я взяла телефон, набрала сообщение Туманову.

«Я согласна. Буду завтра в десять».

Отправила.

Ответ пришёл через секунду.

«Жду».

Я выключила свет и легла спать, чувствуя, как внутри меня растёт что-то новое. Что-то, чему я не давала названия.

Страх? Надежда? Желание?

Я не знала. Но завтра я узнаю.

о лучше!

Глава 4

Я не помнила, как оказалась в холле.

Один момент я стояла у входа, сжимая папку с договором как спасательный круг, а в следующий — уже смотрела на лестницу, на которой появился он. Будто само пространство этого дома подчинялось его воле, перемещая меня туда, где ему было удобно.

Он спускался медленно.

Слишком медленно.

Как будто знал, что я смотрю. Как будто хотел, чтобы я рассмотрела каждую деталь.

Свет из огромных окон падал на его плечи, высвечивая капли воды, которые ещё не успели высохнуть после душа. Они блестели на загорелой коже, собирались в тонкие дорожки, стекали по рельефным мышцам, оставляя влажный след.

Мой взгляд скользнул ниже, и я заметила шрам.

Он был на левом боку, чуть выше талии — тонкая, бледная линия, которая тянулась от ребер к бедру. Не хирургический. Не аккуратный. Какой-то рваный, неправильный, будто кто-то водил лезвием не торопясь, со знанием дела. Или наоборот — в спешке, в темноте, в момент, когда кровь застилала глаза.

Я задержала на нём взгляд дольше, чем следовало. И, ка-

жется, он это заметил.

Максим Владимирович Туманов, человек, который держал в страхе целую корпорацию, носил на своём теле историю, которую не показывали в деловых журналах. И эта история была написана не цифрами отчётности и не дипломами МВА. Она была вырезана на коже. Грубо. Навсегда.

Я почувствовала, как внутри шевельнулось что-то, чего я не испытывала к нему раньше. Не страх. Не уважение. Что-то более липкое, более опасное. Любопытство? Сочувствие? Или то, как его называют, когда женщина видит в сильном мужчине уязвимость и хочет прикоснуться к ней?

— Лисицына, может, уже перестанете топтаться и войдёте?

Его голос вырвал меня из оцепенения. Низкий, с хрипотцой, он ударил по нервным окончаниям, заставляя сердце пропустить удар, а потом забиться чаще, как у загнанной птицы.

Я подняла глаза. Он стоял на последней ступеньке, смотрел на меня в упор, и в его взгляде не было ни капли смущения от того, что он встречает сотрудницу в таком виде. Только спокойная, абсолютная уверенность в том, что он имеет право появляться перед кем угодно в чём угодно. Или — ни перед кем.

— Хм... — Я прочистила горло, но голос всё равно прозвучал хрипло, как после долгого молчания. — Здравствуй-те! Да, конечно.

Я сделала шаг вперёд. Туфли на каблуках оставили на полированном полу два чётких следа, и я на секунду испугалась, что они будут видны. Глупо. В этом доме, где каждая деталь подчинена идеальному порядку, мои следы — как царапина на идеальном стекле.

— Я... это... документы привезла, — выпалила я и протянула папку вперёд, как будто она могла стать барьером между мной и ним.

Он подошёл ближе.

Я почувствовала запах за секунду до того, как его пальцы коснулись папки.

Ментол. И кедр. Что-то ещё — травянистое, терпкое, похожее на лес после дождя. Аромат дорогого мыла или геля для душа, который стоил, наверное, как мои туфли. Но главным был не сам запах, а то, как он действовал на меня. Он заполнил лёгкие, ударил в голову, заставил кровь быстрее бежать по венам. Я вдыхала его, и каждый вдох был как глоток ледяной воды в жаркий день — обжигающе-холодный и необходимый.

Его пальцы сомкнулись на папке. Они были сильными, длинными, с чёткими сухожилиями, которые двигались под кожей при каждом движении. На секунду наши руки соприкоснулись, и я почувствовала, как его кожа — горячая, чуть влажная после душа — обожгла меня.

Я отёрнула руку.

Слишком быстро. Слишком нервно. Он поднял бровь, и

на его губах появилась тень улыбки, которая не тронула глаз.

— Бойтесь? — спросил он, и в его голосе прозвучало что-то, что я не смогла определить. Насмешка? Вызов? Или что-то более опасное — знание?

— Нет, — ответила я слишком быстро, и мой голос прозвучал резко, как щелчок.

Он улыбнулся. На этот раз улыбка стала шире, и в ней появилось что-то хищное.

— Зря, — сказал он. — Иногда бояться полезно.

Он развернулся и пошёл вглубь дома, даже не взглянув на папку, которую только что взял. Я смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Или, наоборот, строится заново. Какая-то конструкция, которую я возводила три года, — стена между «начальник» и «мужчина», между «работа» и «личное», между «страх» и «желание» — дала трещину.

— Пойдём на кухню, — бросил он через плечо. — Я там всё посмотрю. А ты пока сделаешь нам кофе.

Ты. Не «вы». Ты.

Я стояла в холле, сжимая пустые руки, и чувствовала, как это простое местоимение врежется в память, как удар ножа.

Кухня оказалась такой же стерильной, как и всё в этом доме, но я пыталась разглядеть в ней что-то живое. Что-то, что

принадлежало ему, а не дизайнеру, который создавал этот интерьер.

Белые стены. Чёрные столешницы. Шкафы без ручек, которые открывались от лёгкого касания. Встроенная техника, которая выглядела так, будто её никогда не использовали. Ни одной тарелки на сушке. Ни одной кружки, оставленной на столе. Ни одной баночки со специями, ни одной салфетки, ни одного магнита на холодильнике.

Я огляделась в поисках деталей, которые могли бы рассказать о человеке, который здесь живёт. На полке — несколько книг в кожаных переплётах. Не кулинарные рецепты и не модные романы. Философия. История. Что-то на немецком, что я не успела разобрать. На стене — чёрно-белая фотография горного хребта. Знакомые очертания. Я присмотрелась. Кавказ. Может быть, Эльбрус? Та самая гряда, где я планировала свой маршрут?

— Кофемашина там, — сказал он, кивнув в сторону встроенного шкафа.

Он сидел за барной стойкой — высокий, расслабленный, но каждая линия его тела говорила о том, что он не теряет контроль ни на секунду. Полотенце всё ещё было на нём, но он устроился так, будто это был дорогой костюм, а не кусок ткани, который держался на честном слове и силе тяжести.

Я подошла к кофемашине и принялась изучать панель управления. Модель была профессиональной, с десятком кнопок, рычажков и непонятных значков. Моя маленькая

кофеварка дома казалась игрушкой по сравнению с этим монстром.

— Я не... — начала я, но он перебил, даже не подняв головы от папки.

— Чёрный. Без сахара.

Я промолчала. Нашла кнопку включения, подождала, пока машина нагреется. За это время успела изучить кухню ещё раз.

В углу стояла ваза. Пустая. Но на дне — маленькая записка, сложенная вчетверо. Я не могла прочесть, что там написано, но сам факт, что в этом выставочном образце нашёлся хоть какой-то намёк на человеческую жизнь, успокаивал.

Первая чашка получилась слишком слабой. Я вылила. Вторая — слишком крепкой, горькой, как полынь. Вылила. На третьей я поймала ритм, нашла нужные настройки, и из кофемашины полилась густая, тёмная струя с тонкой пенкой сверху.

Я поставила чашку перед ним, стараясь не смотреть на его руки, на его пальцы, которые держали бумаги. Но краем глаза всё равно заметила: ногти коротко стрижены, на указательном — старая мозоль. От ручки? От чего-то другого?

— Спасибо, — сказал он, и я вздрогнула.

— Пожалуйста, — ответила я и отошла к окну, чтобы не стоять над душой.

Вид из кухни открывался на задний двор. Бассейн с подсветкой, которая сейчас не горела. Шезлонги, сложенные

стопкой. И лес — тёмный, плотный, живой. Контраст между идеальной геометрией дома и дикой, необузданной природой за забором был настолько резким, что казался продуманным. Как будто он специально поставил свой дом на границе двух миров — управляемого и свободного — и сам стоял между ними.

— Вы давно в компании? — спросил он, и я обернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.